

ОГОНЁК

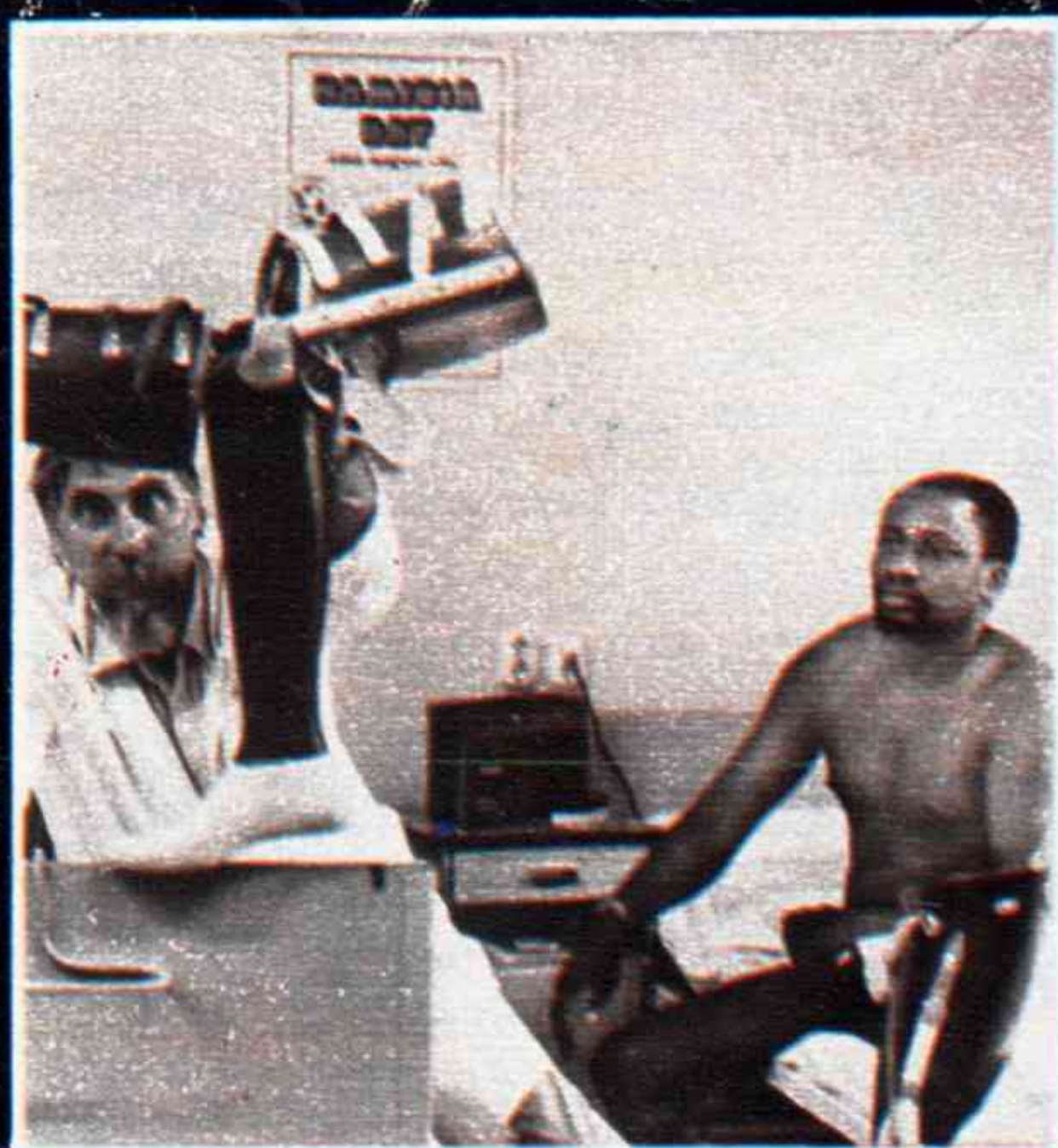
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 30 ИЮЛЬ 1989

**ТВОРЧЕСТВО
БЕЗ
КОМПРОМИССА**

**РАССКАЗ
АНАТОЛИЯ
ГЛАДИЛИНА**

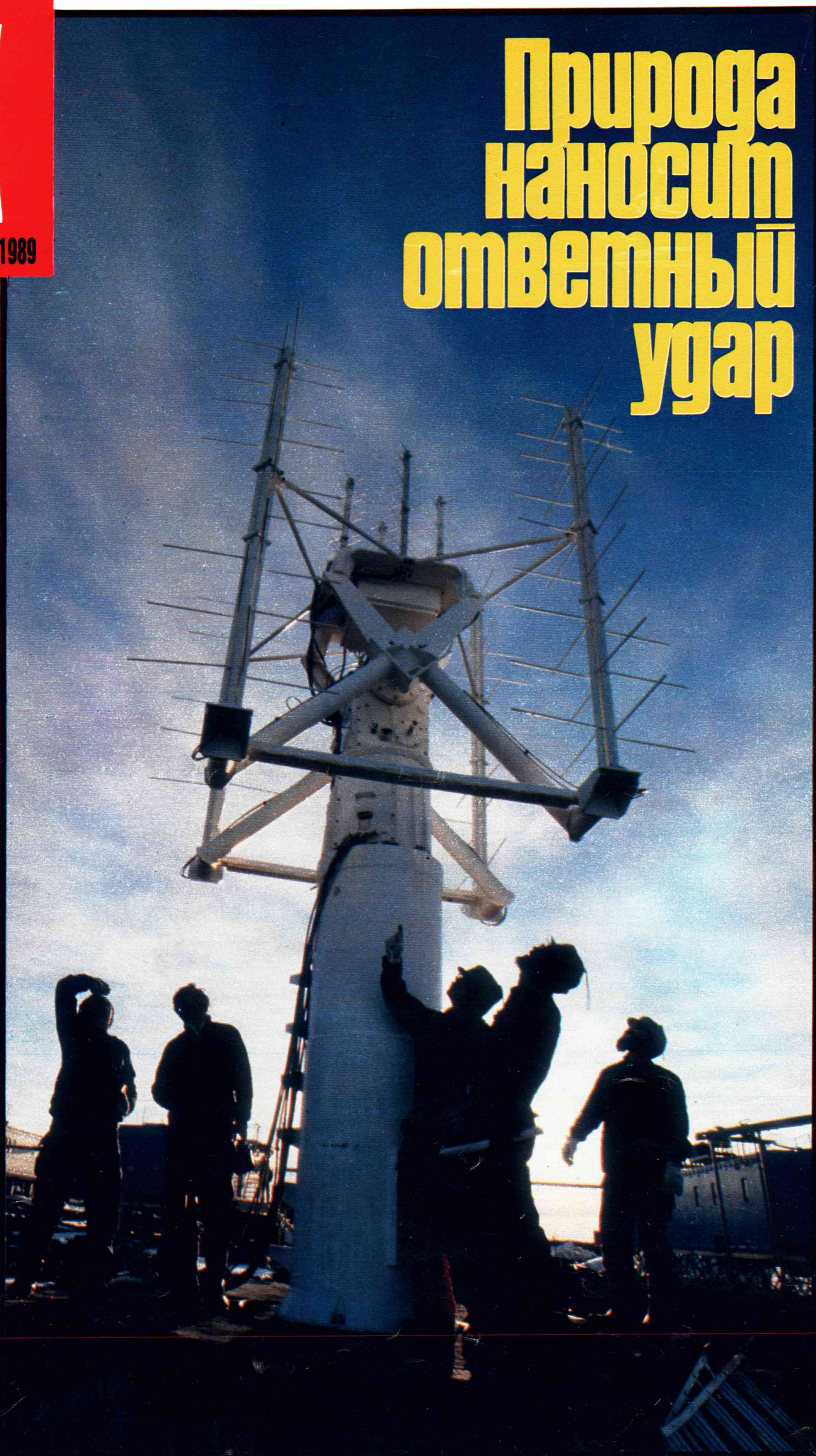

СТОП-КАДР

**ЦЫГАНСКАЯ
ВОЛЬНОСТЬ**

Природа наносит ответный удар

Его не корезили душегубными пытками — еще до ареста он извелся в пытках душевных. Снисхождения Савинков не испрашивал. Нет, объяснял, как медленно, шаг за шагом приблизился к роковому вопросу: а что если я ошибся и русские рабочие и крестьяне действительно за них, действительно с ними? Он не мог скоротать остаток лет вчуже. Не думаем, что чекисты выманили его из-за рубежа, хотя чекисты так думали. Он, похоже, пошел на зов иного манка: России новой экономической политики. Но границу перешел нелегально, его взяли в Минске.

И вот он в судебном зале.

— После тяжелой и долгой кровавой борьбы с вами, борьбы, в которой я сделал, может быть, больше, чем многие и многие другие, я вам говорю: я прихожу сюда и заявляю без принуждения, свободно, не потому, что стоят с винтовками за спиной: я признаю безоговорочно Советскую власть и никакой другой.

А в заключительном слове добавил:

— Для этого нужно было мне, Борису Савинкову, пережить неизмеримо больше того, на что вы можете меня осудить.

Его осудили на расстрел с конфискацией имущества.

Это было 29 августа 1924 года. В час с четвертью пополудни.

Пять часов спустя ему вручили постановление Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР. Высшая мера наказания заменялась десятью годами лишения свободы.

Сонмы приговоренных получали не что другое — девять граммов свинца. Получали, ни на унцию не совершив совершенное Савинковым. В чем тут дело? Где зарыта собака?

Смеем полагать, все решено было задолго. Иначе о смягчении наказания не стал бы ходатайствовать председатель суда В. В. Ульрих, столь же неумолимый, сколь и послушный.

Савинков обладал весом и престижем в эмиграции, даже в том узком сановном кругу, который брезгливо называл его «убийцей» за деяния дореволюционные, не отказываясь, впрочем, от сотрудничества с ним в деяниях послереволюционных.

Гласная капитуляция Савинкова перед Советами, продолженная в письмах из внутренней тюрьмы, могла в известной степени воздействовать на эмиграцию. Какова бы ни была эта степень, игра стоила свеч.

Нисколько не витийствуя, он убеждал и призывал бывших друзей прекратить борьбу с русским народом и российской компартией, возрождающей страну на путях новой экономической политики. Он, в частности, писал: «Не знаю, читали ли вы отчеты о заседаниях съездов ВЦИК и проч. Но я, читая их, был изумлен тем мужеством, с которым в них говорилось о недостатках советской власти». И далее: «Но допустим, что коммунисты «врут». Я утверждаю, что, если это даже на ¾ так, то и тогда не подлежит никакому сомнению, во-первых, что советская власть делает все возможное для восстановления экономического положения России и, во-вторых, что ей это в значительной мере удастся». И еще: «Запомните, коммунисты завоевали «середняк», т.е. огромное большинство крестьянского населения. — того «середняка», который испытал на себе прелесть «белого» рая и «зеленой» борьбы и который спокойно пашет теперь свою землю».

Когда Савинков напечатал «Коня бледного», Егор Сосонов был поражен выстраданностью каждого слова. Однако другие каторжане-читатели называли автора «отступником», «иудой». Теперь, когда письма Савинкова благополучно достигали зарубежных адресатов, одни говорили, что он попал в переплет и выкручивается, другие выжидали на его челе тавро второго Азефа, третьи, немногие, находили эти письма искренними.

Как бы ни было, один из тех, кто ни

на понюх табаку не внял его голосу, признавал на страницах английской «Морнинг пост»: Савинков «сознательно и безоговорочно перешел на сторону своих бывших врагов», помог им «нанести тяжчайший удар антибольшевистскому движению и добиться крупного политического успеха, который они сумеют использовать как вовне, так и внутри страны».

Мавр сделал свое дело. И теперь...

Он не «выкручивался», он и вправду верил в Россию изповскую. Может, однако, показаться странным, если не чудовищным, одно обстоятельство: Савинков ни словом единым не порицал «террорную работу».

А ведь именно в этот, 1925 год, могикане революционного движения, не принадлежащие к правящей партии, доживая век на пенсионном покое, обратились в Президиум ЦИК СССР с пространным заявлением. Кричащий документ, давно обнаруженный нами в архиве, дождался своего часа и должен быть опубликован полностью. Здесь же ограничимся выдержкой:

«Если расстрелы без суда, всегда несправедливые и страшные, возможны в исключительные моменты государственной жизни, когда открытая война, внешняя или внутренняя, уничтожает границы между нормальным государственным строем и полем битвы, то разве такое время мы теперь переживаем?» И далее: «Дело в том, что смертная казнь и административная форма ее применения вошли в нравы управляющих. Дело в том, что этот упрощенный и легкий способ управления сделался своего рода нормой, пропитал сверху донизу наш новый бюрократический аппарат и обесценил человеческую жизнь, как в представлении управляющих, так и в сознании управляемых».

Ни звука об этом не проронил Савинков. Странно, чудовищно? Разумеется, если не брать на замету то, что Савинков по сути своей как был, так и оставался террористом. В упомянутых письмах он говорил, что встретил на Лубянке «не палачей и уголовных преступников», а «убежденных и честных революционеров, тех, к которым я привык с моих юных лет». И еще: «Они напоминают мне мою молодость — такого типа были мои товарищи по Боевой Организации».

Савинков забыл, что в дорожном мешке истории немало зловещих сарказмов.

Сын Савинкова, Виктор, носил фамилию матери. Его мать, жена Савинкова, была дочерью Глеба Ивановича Успенского, писателя, великого мученика со-

ветского. Виктор Успенский приезжал из Ленинграда на свидания с отцом. Савинков однажды сказал: услышишь, что я наложил на себя руки, — не верь.

В мае 1925 года он ходатайствовал об освобождении в чистую. Савинкову дали понять, что надежда слабая. Мавр, сделавший свое дело, вероятно, осознал, сколько жестоко обманут. Нам неизвестно, получил ли Савинков ответ на свое ходатайство. Известно другое: в мае 1925 года газеты сообщили о его самоубийстве.

Варлам Шаламов, многолетний колымский каторжанин, поэт и прозаик, известный ныне всему читающему миру, рассказывал: Савинкова сбросили в пролет тюремной лестницы. Так, умирая, исповедуясь, шепнул Шаламову лагерный доходяга, бывший латышский стрелок.

И это савинковское «не верь», и этот рассказ В. Т. Шаламова передаем со слов здравствующей внучки Германа Лопатина, выдающегося демократа в стране, не имеющей демократических традиций.

А Виктор Успенский, добрый знакомый Е. Б. Лопатиной, погиб в кровавом потоке. В том потоке, что захлестнул многострадальный город после «террорной работы» в Смольном.

Зловещие сарказмы истории — не выдумка историков.

НЕ ОТТУДА

Сейчас я пытаюсь поставить кинокомедию по сатирическому роману Владимира Войновича «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина». Эта затея встречает бурное, восторженное одобрение одних читателей и негодование других. Негодование, как правило, облекается в форму писем в разные инстанции с требованиями запретить и не пущать. Время изменилось воистину. Если раньше цензорские, жандармские функции исполняли по долгу службы бюрократические инстанции, то теперь эти обязанности взвалили на себя любители-доброхоты. А ведь самодельные «идеологи» поопасней профессиональных, ибо они бескорыстны. За семьдесят лет мы наплодили волонтеров-наушников великое множество. Они зорко стоят на страже нашей «идейной чистоты», используя при этом наветы, доносы, клевету, наклеивание политических ярлыков, пускавая в ход демагогию под патриотическим флагом.

Поэтому мне не кажется устаревшей та история, которую я вознамерился поведать, история безнравственного журналиста, который жил в безнравственном обществе по безнравственным законам. Весной 1961 года я закончил эксцентрическую комедию «Человек ниоткуда» по сценарию Леонида Зорина. Картина рассказывала о приключениях снежного человека в Москве и была снята в довольно замысловатой манере с элементами юмора абсурда. Оригинальность формы понадобилась мне с Зориным для того, чтобы объемнее, резче подчеркнуть идею фильма, чтобы взглянуть на нашу жизнь свежими, непредвзятыми глазами. Однако необычность формы насторожила многих зрителей и, к сожалению, в первую очередь тех, от кого зависел выпуск ленты в кинопрокат. И было принято решение — как бы выпустить картину и в то же время практически не выпускать. Сделать это было просто. Картина определили мизерный тираж.

Стояло лето 1961 года. Картина еще нигде не демонстрировалась, выпуск был намечен на осень. Как вдруг 22 июня 1961 года в газете «Советская культура» под рубрикой «Письма зрителей» появилось разное «Человека ниоткуда». Письмо зрителя под названием «Странно...» начиналось словами: «Недавно я находился в командировке в городе Полтаве и там посмотрел новую комедию...» Далее там, в частности, писалось: «В фильме «Человек ниоткуда» есть некоторые интересные, занимательные сцены, смешные эпизоды. Есть и красивые виды Москвы. Но для большого фильма этого мало. Нужны мысли, нужна четкая и определенная идейная концепция, ясная философская позиция авторов, но именно этого не хватает в фильме. Ибо «философия», заключенная в сценарии Л. Зорина, — это либо брюзжание, слегка подкрашенное иронией, либо двусмысленные (в устах людоеда) и невысокого полета афоризмы, вроде того, что нет ничего приятнее, чем съесть своего ближнего. Попытки же уйти в область чистой эксцентрики и гротеска приводят лишь к бессмысленному трюкачеству и погрешностям против художественности...»

Были сказаны еще кое-какие нелепые слова в адрес картины. Подпись под статьей гласила — В. Данилян, научный работник. Я ужасно огорчился. Это была, по сути, первая рецензия, причем очень недоброжелательная. Картина еще не шла, ее никто не видел, а ее уже бранили. Авансом, так сказать. На следующий день после выхода номера газеты мне позвонил автор сценария Леонид Зорин.

— Тебе не кажется, — спросил он меня, — что этот «зритель» проявил недюжинную эрудицию в области кинематографа? Он козыряет в своем письме такими сведениями, о которых не всякий специалист знает. Да и стилистика статьи сугубо «киноведческая».

Я вспомнил текст «письма» и понял, что Зорин ухватил важный нюанс.

— Так надо пойти в газету, устроить скандал!

— Ишь какой шустрый, — сказал Леонид Зорин. — В твои годы я тоже был таким же горячим. (Он старше меня на 3 года.) Сначала надо раздобыть фамилию журналиста, накатавшего статью. Надо иметь неопровержимые доказательства. Тогда мы сможем схватить их за руку, чтобы они не успели спрятать концы в воду...

Дело было не в том, что рецензия оказалась ругательной. Хотя этот факт нам, естественно, не понравился. Но за всем этим крылось что-то нечистое. Вместо того, чтобы выступить с «открытым забралом», раскритиковать нашу ленту, автор почему-то запсевдонимился, предпочел странные, малопочтенные ходы.

Но человек любит приятное. И я понимал, что, если бы в письме зрителя о нашем фильме говорилось доброе слово, мы бы не предприняли тех действий, которые мы предприняли. Нам было бы просто радостно, что рядовой зритель компетентен, так хорошо сведущ в истории кино.

Для начала я позвонил в Полтаву в кинопрокат. Выяснилось, что «Человек ниоткуда» там еще не демонстрировался. Первая ложь была налицо. Разведать же в газете, кто именно скрылся за псевдонимом В. Данильяна, оказалось сложнее. Сотрудники газеты не расклевывались, хранили редакционную тайну. И все-таки Л. Зорин нашел ход. Через бухгалтерию удалось узнать, кто получил гонорар за «письмо» В. Данильяна. Автором оказался заведующий

отделом кино газеты «Советская культура» Владимир Шалуновский.

Я был поражен. Полтора месяца назад я виделся с ним во Франции, в городе Канн. Мы прикатили туда на два дня в составе большой туристической группы, собранной из кинематографистов, а Шалуновский был откомандирован газетой на кинофестиваль. И там при встрече он пел дифирамбы нашей ленте, говорил, что именно «Человека ниоткуда» надо было послать на Каннский фестиваль, а не тот, набивший оскомину, «железобетон», который никто не хочет смотреть. За язык я его не тянул, а высокое мнение о фильме и слова его, разумеется, запомнил. Кто же равнодушно отмахнется от лестных слов!..

Но когда же он врал? Тогда, в Канне? Или сейчас, на газетной полосе? Чем была вызвана эта статья? Велением сердца или чьим-нибудь иным велением? Почему он спрятался за псевдонимом? Мы имели дело с подлогом, да еще небрежно спянным. И мы решили наказать сочинителя. Он ведь еще и 30 сребреников получил за фальсификацию... Мы выработали план действий. Главное — надо было набраться терпения, потому что марафон предстоял многомесячный...

Начали мы с того, что отправили письмо редактору газеты. Я не помню его дословно, приведу смысл:

«Уважаемый товарищ редактор! В Вашей газете от 22 июня сего года было помещено «Письмо зрителя», научного работника В. Данильяна, о нашем фильме «Человек ниоткуда», в котором содержалась критика в адрес картины. Нам кажется, редакция должна быть заинтересована в том, чтобы создатели фильмов встречались со зрителями. Нам очень хочется поведаться с т. В. Данильяном, поспорить с ним. Может, мы сможем его кое в чем переубедить, а может, и он заставит нас переменить наше мнение. Просим сообщить его адрес или телефон.

Заранее благодарны.

*С уважением Леонид Зорин,
Эльдар Рязанов».*

Прошел месяц, но ответа почему-то не последовало. Тогда мы написали еще одно письмо, адресованное опять-таки редактору «Советской культуры». Содержание его сводилось к следующему:

«Уважаемый товарищ редактор!

Месяц назад мы обратились к Вам с просьбой помочь нам связаться с т. В. Данильяном, письмо которого было опубликовано в Вашей газете от 22 июня сего года. Мы недоумеваем, почему нам никто не ответил. Нам кажется, что редакция должна быть заинтересована...» (далее шел тот же набор, что и в нашем первом письме). Окончание нашего послания на сей раз напоминало ноту недружественному государству:

«Мы настаиваем на том, чтобы нам немедленно сообщили адрес или телефон т. В. Данильяна. Нам непонятна такая позиция газеты. В случае Вашего молчания мы будем вынуждены принять меры...»

*С уважением Леонид Зорин,
Эльдар Рязанов».*

Честно говоря, уважения к редактору мы не испытывали, но мы тщательно соблюдали весь декорум. Игра, которую мы затеяли, требовала полного набора казуистики. До нас доходили сведения, что наше первое письмо вызвало легкую панику. В газете отлично поняли наши намерения, сообразили, что мы раскусили подноготную, и не понимали, как выкрутиться из создавшейся ситуации. Конечно, затея с нашей стороны была опасная. Пытаясь прижать к стене Шалуновского, мы, по сути, объявили войну газете. А у нас не принято, чтобы газета вслух извинялась перед обиженными ею людьми или публично признавала свои ошибки. Честно мундира нашей прессы превыше правды! Мы понимали, что борьба не равна, что газете «приложить» нас проще простого, но тем не менее решили пройти весь путь до конца.

На этот раз ответ пришел довольно быстро, буквально через неделю. В редакции нашли выход, во всяком случае, отсрочку. Ответ редактора газеты гласил:

«Уважаемые тов. Л. ЗОРИН и Э. РЯЗАНОВ!

Редакция задержала свой ответ потому, что товарищ В. Данильян находился в командировке. А без его согласия редакция не считала для себя возможным сообщить Вам его координаты. Сейчас В. Данильян вернулся. Он не возражает против встречи с Вами. Сообщаем его адрес: Москва, 2 почтовое отделение, до востребования. Данильяну В. И.

С уважением

редактор Д. Большов».

Хитрость газетчиков была шита белыми нитками. Неужели вымышленный Данильян так испугался нас, что не решился сообщить свой адрес?

Роман в письмах продолжался. Мы написали во второе почтовое отделение Москвы следующее послание, которое, как мы понимали, никто никогда не востребует:

«Уважаемый товарищ В. И. Данильян!

22 июня в газете «Советская культура» было помещено Ваше письмо с критикой в адрес комедии «Человек ниоткуда». Нам кажется, что Вы в некоторых своих оценках были не совсем правы. Нам очень хотелось бы поведаться с Вами и побеседовать, поспорить. Может, мы сможем кое в чем Вас переубедить, а может, Вы заставите переменить нас наше мнение. Сообщаем Вам свой адрес и телефоны. Не откажите в любезности дать нам знать о времени и месте встречи.

С уважением

*Леонид Зорин,
Эльдар Рязанов».*

А чтобы в газете осознали, что мы не бросили своего предпринятия, копию письма, отосланного В. И. Данильяну, мы любезно препроводили редактору газеты. На всякий случай. Чтобы был в курсе. Чтобы спал лучше. Чтобы не забыл. Чтобы еще раз вылил ушат своего раздражения на незадачливого Шалуновского, который и подделку-то не смог сделать, как следует.

Как мы и думали, т. Данильян не явился за письмом. Ведь при получении корреспонденции, адресованной «до востребования», необходимо предъявить документ. А сфабриковать его оказалось не по плечу хитроумному рецензенту. Поскольку на нашем письме был предусмотрительно обозначен обратный адрес одного из нас, наша невостремленная каверза вернулась домой...

А уже наступила осень, и фильм наконец-то выполз на экраны. Копий картины, а следовательно, и кинотеатров было мало. Появились рецензии в разных газетах. В основном рецензии поносили ленту. Вот названия некоторых статей:

«Московский комсомолец»: «Очень странный фильм».

«Литературная газета»: «Зачем он к нам приходил?»

Лишь некоторые провинциальные печатные органы, в силу своей удаленности, не разобрались в обстановке и поначалу опубликовали несколько хвалебных рецензий. Но потом, глядя на столичные маяки прессы, поняли, куда дует ветер, и либо замолчали, либо загавкали в унисон. Если называть вещи своими именами, шла организованная травля картины. Эти разносы нас с Л. Зориным, естественно, огорчали, но не вызвали никаких мстительных поползновений. Наша картина не обязана была всем нравиться, и у нас не возникало никаких претензий к авторам критических статей.

Мы понимали, что, вероятно, не все в картине получилось, не все удалось, как хотелось. Нам еще предстояло осмыслить, где ошибки, а где удача, понять, в чем просчеты, еще предстояло сделать выводы. Единственное, чего мы не понимали, почему поиск новой формы, попытка отойти от общеприня-

тых канонов вызвали такую ярость прессы. Ее усердие было явно неадекватно. Было впечатление, что всю эту стаю спустили с цепи и велели кусать побольнее...

А борьба с газетой «Советская культура» тем временем вступила в решающую фазу. Мы сочли, что хватит играть в прятки, надо выложить карты на стол. И мы написали возмущенное письмо, где все называли своими именами. Писали о недопустимости фальшивок в прессе, о странных нравах, принятых в печати, о недостойном вранье, которое содержалось в ответах редактора на наше имя. В конце письма мы требовали наказания виновных, а именно кинокритика Шалуновского. Мы советовали тем, кто будет проверять, заглянуть в бухгалтерскую ведомость. Мы пригрозили, что если наше письмо оставят без внимания, то мы подадим в суд на газету. На этот раз мы подписались без всяких слов об уважении. Этот меморандум мы направили в три адреса — в Отдел культуры ЦК КПСС, в Союз кинематографистов СССР и, естественно, редактору газеты. Это была традиция — не скрывать от Д. Большова наших поступков.

Из газеты мы, разумеется, не ждали никакого ответа. Не откликнулся на наше письмо, к сожалению, и Отдел культуры ЦК КПСС. А вот секция теории и критики Союза кинематографистов СССР провела обсуждение нашей жалобы. На заседание секции были приглашены не только мы, но и редактор газеты, а также кинокритик Шалуновский. Это было время, когда кинематографический союз еще не превратился в бессловесный придаток любой командующей искусством организации.

Итак, состоялось заседание секции теории и критики. На него, конечно, не явился ни редактор «Советской культуры», ни заведующий отделом кино этой газеты и одновременно автор пресловутой рецензии. Собравшиеся критики и киноведы, разобравшись, поддержали нас. Они были возмущены позицией газеты, поведением Шалуновского. В соответствующей резолюции осуждался нечистоплотный поступок члена секции. Здесь мы с Зориным вроде бы победили, но толку от этой победы не оказалось никакого — Шалуновский эту резолюцию, как говорится, «в гробу видел». И мы решились: подаем в суд на газету «Советская культура», обвинив ее в использовании недостойных методов журналистики. Но тут случилось непредвиденное. Проезжая на работу мимо Арбатской площади, один из руководителей страны, секретарь ЦК КПСС М. А. Суслов, увидел из окна большой, длинной, черной машины на фасаде кинотеатра «Художественный» афишу фильма «Человек ниоткуда». На афише был изображен лохматый дикарь в меховых шортах. Главный идеолог уже видел ленту, она ему очень не понравилась, и он распорядился снять фильм с экрана...

Кстати, когда в 1980 г. в Москве выпустили в прокат «Гараж», я долго не мог понять, в чем дело. Вроде кинотеатров было немало, и неплохие кинотеатры, но что-то тем не менее казалось необычным. А что именно, я никак не мог постичь! Директриса одного из кинотеатров объяснила мне ситуацию, вернее, принцип демонстрации нашей ленты в столице. Особенность состояла в том, что «Гараж» не шел ни в одном из кинотеатров, которые находились на трассах больших, длинных, черных машин. Прокатчики, наученные горьким опытом, не хотели рисковать судьбой фильма. Ведь достаточно было лишь одного звонка какой-нибудь влиятельнейшей персоны, чтобы фильм попал в заключение или, как мягко выражаются, лег бы на полку. И действительно, «Гараж» не демонстрировался ни в «Октябре», ни в «Художественном», ни в «Ударнике», ни в «России». Не буду называть остальные кинотеатры, чтобы ненароком не выдать какой-нибудь государственной тайны...

Но вернемся к «Человеку ниоткуда».

Через несколько дней после снятия ленты с экрана на XXII съезде КПСС М. А. Суслов посвятил нашей картине несколько слов. Вот что он сказал в своей речи 21 октября 1961 года: «К сожалению, нередко еще появляются у нас бессодержательные и никчемные книжки, безыдейные и малохудожественные картины и фильмы, которые не отвечают высокому призванию советского искусства. А на их выпуск в свет расходуются большие государственные средства. Хотя некоторые из этих произведений появляются под таинственным названием, как «Человек ниоткуда» (оживление в зале), однако в идейном и художественном отношении этот фильм явно не оттуда. (Оживление в зале. Аплодисменты.) Известно также, откуда взяты, сколько (немало) и куда пошли средства, напрасно затраченные на производство фильма. Не пора ли прекратить субсидирование брака в области искусства? (Аплодисменты)».

Я оставляю в стороне блистательный, чрезвычайно доказательный анализ картины. Каламбур тоже был нехитрый. Главным, пожалуй, единственным аргументом, подтверждающим безошибочность мнения, обличающего фильм, была высокая «непогрешимая» должность оратора. Что бы он ни произнес, это все равно встретили бы аплодисментами. Большая часть присутствующих в зале просто еще не могла увидеть картины: она шла всего несколько дней и демонстрировалась ничтожным тиражом. Однако послушный зал ответил на непритязательную шутку оживлением и аплодисментами.

После этой всесоюзной рецензии с трибуны съезда фильм был окончательно похоронен. По сути, произошло нечто большее, чем снятие фильма с экрана. Было погребено направление «юмора абсурда» в нашем кино.

Через несколько дней на концерте, посвященном закрытию съезда, два эстрадника Рудаков и Нечаев уже пели «злободневную» частушку:

На «Мосфильме» вышло чудо

С «Человеком ниоткуда».

Посмотрел я это чудо —

Год ходить в кино не буду...

Ай-яй-яй, ай-яй-яй...

Делегаты смеялись. Видно, с остальными проблемами в стране все обстояло хорошо!

После этого громкого события мы с Зориным дрогнули. Мы не боялись идти против течения, но веры в объективность, беспристрастность нашего суда, да еще при таком могучем оппоненте у нас не было. И мы не подали в суд. Решили избежать бессмысленной трепки нервов. Хотя в суде должна была идти речь не об оспаривании оценки фильма, а о недостойных методах газеты. Но эти два разных вопроса в глазах суда при данной ситуации разделить было не так легко. Тем более, что оценка считалась окончательной, ведь ее произнесло невероятно значительное лицо, да еще с самой высокой трибуны. Не говорю уже о том, что иск частных лиц к государственному органу печати — факт сам по себе в те времена был неслыханным. И казус-то состоял не в материальных претензиях, что встречалось в судебной практике, а в претензиях моральных, нравственных, этических. Мы понимали шаткость нашей позиции, — ведь в глазах судей мы неминуемо выглядели бы в лучшем случае как два склочника, а в худшем могло пахнуть более неприятными для нас формуировками. И мы утихомирились! Плюнули на всю нашу интригу и продолжили жить!

Но теперь пробил час газеты! Она наконец-то могла расквитаться с нами. Шалуновский ощутил свою безнаказанность, и газета ответила сокрушительным ударом. В редакционном подвале без подписи (значит, это не мнение одного какого-то журналиста, а мнение всей редакции) газета обрушилась на наши (действительно глупые) головы.

Приведу некоторые цитаты из подвала от 11 ноября 1961 (через двадцать

дней после речи на съезде), озаглавленного: «О фильме «Человек ниоткуда»»:

«...Пожалуй, ни об одном из фильмов последнего времени не писалось и не говорилось так много, как о «Человеке ниоткуда». Обстановка нездоровой сенсационности сопутствовала ему с самого начала...»

Сенсационность, видимо, заключалась в том, что о фильме спорили, что у него были не только враги, но и друзья.

«...Фильм «Человек ниоткуда» не может заслужить иной оценки, кроме отрицательной... Картина оказалась слабой, сумбурной, а заключенные в ней идеи... весьма сомнительны...»

Цитирую дальше: «...Когда газета «Советская культура» выступила по поводу фильма с письмом в редакцию, озаглавленным «Странно...», авторы картины сценарист Л. Зорин и режиссер Э. Рязанов никак не реагировали на существо критики. Всю свою энергию они направили на то, чтобы разыскать автора этой статьи, узнать его адрес, его имя, отчество и т. д. Они принялись писать письма в редакцию и другие организации, отзываясь в неуважительном тоне о сотрудниках редакции и авторе статьи...»

Согласитесь, что для читателя, который не знал всей подоплеки и который привык верить печатному слову, со страниц газеты предстали образы мерзких, мстительных интриганов, которые искали автора статьи, чтобы его скорее всего отколотить. Далее Шалуновский нанес удар по секции теории и критики Союза кинематографистов.

«...На обсуждении о существовании критики фильма, о серьезных ошибках его авторов не было сказано ни слова. Предметом обсуждения явились второстепенные, непринципиальные вопросы...»

Конечно, вопросы чести и совести, порядочности и долга для Шалуновского являлись второстепенными и непринципиальными. Имея в руках такое могучее оружие, как прессу, он еще раз использовал ее в недобрых целях, не останавливаясь перед напраслиной, сводя счеты не только с нами, но и со своими коллегами, которые осмелились обвинить его в бесчестности. Критик и киновед Шалуновский расправился с нами, победил. Мы же проиграли. Но я не жалею о том, что мы проделали тогда. Единственное, в чем я раскаиваюсь, что мы не подали в суд. Хуже бы все равно не было. А один шанс из ста, что мы могли победить в суде, все-таки был. А мы его упустили, не использовали, ушли в кусты. И этого я себе и своему напарнику простить не могу...

Со времени злополучной истории минуло двадцать восемь лет. Те раны давно затянулись и не ноют ни в какую погоду. Кинокритик Шалуновский скончался несколько лет тому назад. Говорят, что о мертвых не принято говорить дурное. С моей точки зрения, это сомнительная поговорка, особенно в нашей стране.

Однако дело тут даже не в личности Шалуновского. Почти каждый «подручный партии», как тогда именовали журналистов, оказавшись он в положении Шалуновского, так же усердно выполнил бы свои обязанности. Но полученный урок не прошел для меня бесследно. Я понял, что хамство, несправедливость, нечистоплотность нельзя прощать или делать вид, что не замечаешь. Надо отвечать сокрушительным ударом, чтоб в следующий раз не повадно было! Это необходимо в первую очередь для самоуважения.

В этом году наша лента пошла в кинотеатрах, спустя 28 лет после создания. Кинозритель может увидеть актерские дебюты в кино Анатолия Папанова и Сергея Юрского, может познакомиться с первой комедийной кинолентой Юрия Яковлева. Господи! Между созданием картины и ее встречей с публикой прошла, по сути, вся жизнь...

СЕГОДНЯ С

Леонид ЛЕРНЕР

«Цыгане презирают народ, оказывающий им гостеприимство». Смысл этих слов, сказанных автором «Кармен», прожившим среди цыган, в частности испанских, не один год, многими нынче вряд ли будет правильно понят. Ибо те цыгане, которых знал Мериме, были совершенно другими людьми, нежели те, которых знаем (а лучше сказать — плохо знаем) мы с вами. Цыгане Мериме да и живущие в других странах и в восемнадцатом, и в девятнадцатом, и даже еще в первой половине двадцатого века — те, пожалуй, имели право презирать народы, которые оказывали им отнюдь не любезное гостеприимство. Чужие и неприютные, кочующие и голодные (но при этом никогда не терявшие ни страстной своей веселости, ни желания жить так, как именно и живут, — свобода и воля!), они презирали людей, променявших волю на стремление приобретать, копить, окружать себя вещами.

Однако и времена меняются. Сегодня цыгане во всем мире отходят от вековых традиций: кочевье народа, которое длилось 15 веков, в одних странах просто остановилось, в других — стало походить на современный туризм. Цыгане начали обрывать вешами! Народ, который полтора тысячелетия являл собой неповторимую загадку — и своим происхождением, и образом жизни, и необычайной музыкальностью, народ, всегда рождавший у людей тайное чувство ностальгии по вольной жизни, растворяется в общей массе!

Да нет, еще не растворился. Но вот что удивительно: как и много лет назад, когда цыганские шатры и бивуачные костры были обычным явлением,

а нынче являются экзотикой, цыгане, живущие уже в обычных домах, в постоянных и подчас весьма недурно обставленных квартирах, по-прежнему презирают чужих. Обычаи и традиции уходят, а черта характера, всегда резко отличавшая цыган, остается.

Справедливости ради отметим, однако, что теперь это не столько презрение, сколько желание отделиться своего от чужого. Но куда денешь чувство высокомерия, когда звучит: «Я ром, а ты — гаджо». Это слово я услышал, когда впервые сидел за столом у цыган (на правах родственника!). И тем не менее, как позже выяснилось, относилось это слово именно ко мне. В нем не было ничего дурного по отношению к гостю, с которым чокались, желали ему здоровья, но между собой называли «гаджо». То есть хоро-

ший в общем-то парень, но... не ром!

За столом сидели только мужчины (женщины и дети были в другой комнате), и эти мужчины, хотя и не были сильно пьяны (цыгане пьют очень умеренно, а цыганки и вовсе первую в жизни рюмку могут позволить лишь после сорока), были необычайно шумны, что-то кричали друг другу на странном языке, яростно жестикулировали и страстно божились, ударяя себя кулаком в грудь.

Я бывал за столами армян, грузин, узбеков, туркмен... Но только здесь (несмотря на то, что в другой комнате сидела моя жена — цыганка) я вдруг отчетливо осознал: то не просто незнакомая мне компания, говорящая на своем языке, а совсем иной, незнакомый народ.

А что я вообще-то знал о цыганах до той встречи?

Помнил, как в детстве, в самом конце сороковых, в Москве рядом с Новодевичьим монастырем, где я жил неподалеку, помещался своеобразный цыганский городок, где жгли костры прямо во дворах, где возле хибарок и барачков копошились смуглые, одетые в яркое тряпье женщины и голые, как туземцы, дети.

В этом, быть может, последнем московском таборе цыган было, вероятно, не более пятисот — горстка среди живущих рядом тысяч москвичей, но...